

Тэя

Воспитатель
для сына

МАГНАТА

Татьяна Тэя

Воспитатель для сына магната

«Автор»

2026

Тэя Т.

Воспитатель для сына магната / Т. Тэя — «Автор», 2026

— Мирон Иванович? — мой голос звучит жалко, даже для меня самой. — Это Мила. Аниматор из ресторана. Мы сегодня... с Платоном... — я замолкаю на полуслове.— А, та самая девушка, которая не берёт визитки и которой не нужна работа, — в его голосе проскальзывают насмешливые нотки. — Слушаю внимательно. Я зажимаюсь. Ну почему он не может быть просто грубым? Было бы легче. К чему этот стёб?— Я... в общем, я передумала. Ну насчёт вашего предложения передумала.— Быстро, — говорит он. — Я думал, вы продержитесь хотя бы до завтра. Что-то случилось? Работодатель не оценил ваш талант по достоинству? Он будто специально катается по моей самоуверенности туда-сюда, как каток по асфальту.— Ну я решила рассмотреть ваше предложение, — выпаливаю я. — Оно очень интересное я так решила. Звучит, как бред малолетки, но что ему говорить? Правду? Карту заблокировали. Из квартиры выселили. Я сижу на лестнице в подъезде и мне некуда идти?

© Тэя Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Татьяна Тэя

Воспитатель для сына магната

Глава 1

Мила

— Привет, — улыбаюсь я, подходя к малышу, который не играет со всеми, а сидит одиноко в сторонке и смотрит в стену. — Меня Мила зовут. А тебя как зовут, красавчик?

Мальчик поднимает на меня глаза, но ничего не отвечает. Только ниже опускает подбородок к коленкам.

Потом бурчит еле слышно.

— Я не красавчик. Я Платон.

— Ну что не красавчик, я бы поспорила, — улыбаюсь ему мягко, и короткая улыбка мелькает на детском личике. — А Платон очень интересное имя.

Ему года четыре, хотя, нет, скорее, ближе к пяти, и он не носится, как это делают обычно дети, попадая в детскую комнату, наполненную игрушками и всякими интересностями, не изучает пространство, а сидит один и... грустит.

Обычно в будни в детской комнате при ресторане «Князь» царит тишина.

Максимум на мне двое детей, которые рисуют в планшетах и жуют имбирное печенье, пока их мамы наверху обсуждают что-то важное за тарелкой ризотто с трюфелем.

Но сегодня какой-то корпоратив, и детская комната превращается в филиал сумасшедшего дома.

Четыре девочки визжат в бассейне с шариками, двое мальчишек лет шести кидаются друг в друга мягкими мячами, а один малыш всё время пытается сбежать. Я уже ограждение поставила, но он так и норовит то его перепрыгнуть, то под него подлезть.

И вот ещё... грустный Платон... которого я решила хоть как-то расшевелить.

Я кручусь как белка в колесе, пытаюсь одновременно следить, чтобы никто никого не прибил, и чтобы все были довольны и счастливы.

Платон сидит на низком пуфе. Он маленький, темноволосый, в идеально выглаженной рубашечке и модных джинсах. Одежда брендовая, явно стоит как моя аренда квартиры за месяц.

Платон не играет. Он просто сидит, обхватив коленки руками, и смотрит в одну точку то на ковре, то на стене.

Другие дети носятся вокруг него, как дикие звери, но он их будто не замечает. Глаза у него огромные, серые и такие грустные, что у меня внутри что-то ёкает

Я приседаю на корточки рядом.

— Платон? А ты знаешь, что Платон — это имя древнего философа! Вероятно, твои мама с папой считают тебя самым умным ребёнком в мире?

— Моя мама умерла, — заявляет он, и я бледнею.

Табу... табу... такие темы нельзя трогать, но раз уж я невольно влезла туда, куда нельзя, надо как-то вырливать.

— Прости, мне... жаль, — пытаюсь найти слова.

— А мне нет, — пожимает он плечами. — Я её не помню. Она умерла, когда я совсем маленький был. Не извиняйтесь.

Лучше от этой темы уйти, а то я рискую закопать себя ещё глубже.

Поэтому я просто киваю, а Платон сам говорит, что он тут с папой.

Решаю сменить тему.

— Хочешь, я покажу тебе кое-что? Там, в углу, есть специальные краски, которые светятся в темноте. Но мы можем не ждать темноты, а прямо сейчас нарисовать светящегося дракона. Или, может, ты хочешь построить замок?

Платон с сомнением косится на шумных детей в бассейне.

— Они шумят, — говорит он тихо.

— А мы с тобой построим замок с толстыми стенами и сделаем шумоизоляцию, — подмигиваю я.

Мы устраиваемся в уголке с конструктором. Сначала Платон просто подаёт мне детали и молчит. Но потом, когда наша башня чуть не рушится и я театрально хватаюсь за сердце, он впервые улыбается. И вскоре мы уже строим настоящую крепость, и Платон, о чудо, смеётся.

Я помещаю наклейку Губки Боба, которую выуживаю из кармана, на стену замка и говорю:

— Это стражник. Если кто придёт без настроения, он его остановит!

В моих карманах много наклеек, я даю их детям в качестве поощрения.

— Не остановит. Он же живёт на дне моря! — хихикает Платон. — В ананасе!

— А он то там живёт, то тут... У него каникулы... отпуск.

Платон хихикает и предлагает дать стражнику меч, как вдруг замирает.

Я оборачиваюсь.

В дверях детской комнаты стоит мужчина.

Он довольно высокий, выше среднего, в идеальном тёмном костюме, который сидит на нём так, будто его сшили на заказ. Вероятно, так и есть.

Тёмные волосы чуть тронуты сединой на висках, мужественный подбородок гладко выбрит, взгляд у него тяжёлый, внимательный и немного уставший.

Он смотрит на нас, и я не могу понять, злится он на что-то или просто это его обычное выражение лица.

У многих тут на лице претензия написана, такая вот публика в «Князе».

— Папа! — Платон вскакивает и подбегает к нему. — Папа, смотри, мы замок построили! Это стражник, он сейчас тут всех порешает! — объясняет он.

— Порешает? — переспрашивает мужчина, внимательно глядя на меня. — Что за тюремный слэнг, Платон Миронович?

Я поднимаюсь с пола, тру вмиг вспотевшие ладони о джинсы. Его папа так пристально и с укоризной смотрит в мою сторону, будто это я его чадо нехорошим словечкам учу.

— Здравствуйте, — стараюсь говорить спокойно. — Я Мила, а вы отец Платона, я так понимаю?

— Какая вы догадливая, надо же... — тянет сухо. — Учитывая то, что он при вас назвал меня папой.

— Ну да... — ничуть не обижаясь, пожимаю плечами. — Капитан Очевидность.

— Тогда уж Капитанша, — внезапно улыбается мужчина, но вскоре снова становится серьёзным.

А у меня от его короткой улыбки странные искры зажигаются в животе. Меня и потряхивает, и притягивает. Вот такое странное сочетание.

Папа у Платона, надо сказать, красавчик, а ещё от него исходит определённая энергия. Властный, богатый, конкретный и... очень привлекательный мужчина.

Пока мы изучаем друг друга, Платон продолжает что-то трюндеть про замок и философию.

Брови его отца чуть приподнимаются.

— Философия? — переспрашивает он, потом обращается ко мне. — Вижу, вы умеете находить подход к детям.

Я уже привыкла, что богатые родители в таких местах смотрят на персонал как на мебель. Но папа Платона смотрит иначе.

— Ну, я учусь на педагога, ну, то есть училась. В общем, я люблю взаимодействовать с детьми.

— Платон не идёт на контакт с незнакомыми людьми. Он замкнутый. Даже удивительно, что вам удалось его расшевелить.

Я легонько киваю, соглашаясь с его утверждением.

А Платон берёт меня за руку и улыбается. И я улыбаюсь ему в ответ.

А его отец сшибает меня с ног следующим предложением.

— Мне нужна няня-воспитатель для сына. С проживанием в доме. Полная занятость, зарплата в три раза выше, чем вы получаете здесь. Вы нам подходите.

Мои брови удивлённо ползут вверх. Это всё от неожиданности.

— Простите?

— У вас что-то со слухом? — говорит он, и это вмиг разбивает его образ вежливого человека.

Ну, может, он и вежливый, но два раза повторять не привык.

— Простите, — я качаю головой. — Я, конечно, польщена, но это как-то... неожиданно.

— Соглашайтесь, это хорошее предложение.

— Я понимаю, но... нет. Спасибо, конечно. Меня в работе всё устраивает, я сейчас не готова ничего менять.

Проживание на одной территории с этим мужчиной меня особенно смущает. Тут же в голове крутятся десятки сюжетов про нянь и отцов детей, которые я встречала в художественной литературе и фильмах. Там всегда ничем хорошим это проживание под одной крышей не заканчивается.

— Сейчас устраивает, но всё может измениться, — говорит он.

Потом смотрит на меня ещё несколько секунд и достаёт из внутреннего кармана пиджака визитку и, не глядя, кладёт её на край столика, рядом с нашим замком.

— Вот контакты на случай, если передумаете. Платон, идём, — бросает он сыну.

Мальчик смотрит на меня, потом на отца. Берёт его за руку, но на прощание оборачивается и машет мне. Я машу в ответ.

Визитка остаётся лежать на столе. Я колеблюсь, потом беру её и пихаю в карман.

И иду разнимать очередную потасовку в бассейне.

А через час моя жизнь начинает рушиться... кирпичик за кирпичиком.

Глава 2

Мила

Я ещё полна блаженного неведения, когда меня вызывает к себе главный администратор, Инна Аркадьевна. Это женщина с лицом, которое, наверное, треснет, если она попытается улыбнуться.

Вместо меня в детской комнате остаётся одна из официанток, а я иду в подсобку, где в узком длинном коридоре расположены кабинеты руководителей и бухгалтерия.

Захожу к Инне Аркадьевне, и натываюсь на пристальный взгляд холодных внимательных глаз.

— Здравствуйте, — говорю вежливо.

В отличие от меня, Инна Аркадьевна даже не здоровается.

— Мила, вы уволены, — без предисловий говорит она, поправляя очки.

— Что? — я опешиваю. — За что? То есть... почему?

— Поступила жалоба от родителей. Вы не уследили за ребёнком из ВИП-зала. Мальчик упал и набил шишку. Они возмущены.

У меня внутри всё холодеет, а потом вспыхивает праведным гневом. Я, кажется, догадываюсь, о каком именно ребёнке идёт речь.

— Что? Этот мелкий неуправляемый бандит? — я повышаю голос. — Да он сам...

— Это вы так о детях клиентов заведения говорите? Крайне непрофессионально!

— Инна Аркадьевна, он носился как угорелый! Он сам влетел лбом в стену, пока я разминяла девочек, не поделивших интерактивный монитор! Я предупреждала его родителей, что он гиперактивный! Да, думаю, они и сами это знают...

— Вот именно! Его родители, наверное, сами знают, какой он, и в ваших предупреждениях не нуждаются. Говорят, что у них идеальный спокойный ребёнок.

— Это не так...

— Не обсуждается, — отрезает она, протягивая мне листок. — Вот ваш расчёт за две недели текущего месяца, его получите на карту. Вещи можете забрать сейчас. Охрана проводит до выхода.

— Охрана?

— Да, охрана...

Я морщусь, почему охрана-то? Будто я преступник...

Я хочу спорить, доказывать, кричать. Сказать, что я не виновата, что я хорошо выполняю свои обязанности, качественно и ответственно, но... Но понимаю, что всё бесполезно.

Решение уже принято.

Да и в этом ресторане для богачей правда всегда на стороне тех, у кого есть деньги. А у меня есть только я. Небольшая съёмная квартира, мама с маленьким братом в Златоусте и неоконченное высшее.

— Хорошо, я доработаю смену и...

— Ничего дорабатывать не надо. Вы свободны. Прямо сейчас, — отрезает начальница, и я, вздохнув, принимаю неизбежное.

Молча беру листок расчёта, потом иду в комнату персонала, забираю из шкафчика свою толстовку и в сопровождении Арслана, нашего охранника, выхожу на улицу. Ноги сами несут меня к метро по проторенной дорожке.

Мне до слёз обидно! У меня с детства обострённое чувство справедливости, а сейчас, я знаю, со мной поступили, несправедливо!

Я старалась, я вкладывала душу в работу с детьми, со всеми общалась по-доброму, детям нравилось, родители подходили и благодарили, а в итоге — пинок под зад из-за какого-то избалованного мальчишки, чьи родители не могут за ним уследить.

В метро душно или это у меня от возмущения пот на лбу выступил?

Я прикладываю банковскую карту к турникету и... ничего.

Красный крестик. И турникет визжит, как резанный, когда я пытаюсь пройти, а вертушка не крутится.

Я снова прикладываю карту, и снова красный крестик.

— Да что за ерунда! — восклицаю я.

— Деньги, наверное, закончились, — говорит, выглянувший из будки работник метрополитена.

— Нет, там точно были.

— Мне тоже иногда кажется, что были, — усмехается по-доброму, — а потом тью-тью и нет. Проклятые маркетплейсы.

— Есть такое, — стараюсь улыбнуться в ответ.

А у самой кошки на душе шкрябаются.

Решаю зайти в приложение банка, проверить, сколько там осталось после того, как я перевела маме на лекарства и брату на куртку.

Яркие пятна в приложении крутятся, пока оно загружается, а потом...

Потом меня будто обухом по голове ударяют.

«Счет заблокирован. Обратитесь в банк».

— Что? — шепчу я вслух.

Я переводила крупную сумму маме на днях, видимо, это сочли подозрительной операцией. Слышала я про такие истории.

И теперь я без копейки. Совсем.

Роюсь на дне сумки, там какая-то мелочь катается. С трудом набираю на жетончик, который стоит прилично дороже, чем проезд по карте, но выхода нет.

Прохожу через турникет и бегу к составу, стоящему с открытыми дверями на платформе.

Ничего... дома есть наличность. Продержусь какое-то время. А в банк схожу, докажу, что не верблюд, и карту разблокируют.

Закрываю глаза и съезжаю по сиденью ниже. День так хорошо начинался, и вот... беда не приходит одна. Уволили, карты заблокировали... Надеюсь, на этом всё?

Но нет... Надежды мои не оправдываются.

Выхожу на своей станции, чувствуя, что никак не могу успокоиться из-за проблем с банком. Я такая по жизни: буду гонять в голове ситуацию до бесконечности. Отпустить и забыть на время — вообще не про меня.

Мечтаю, как дойду до квартиры, заварю чай и прилягу.

И подумаю, что делать дальше.

Я довольно быстро доезжаю до своего спальника на окраине. Далеко идти не надо, квартира в десяти минутах пешком от метро. Я быстренько бегу по дворам, сокращая путь, влезаю в обшарпанный подъезд девятиэтажки, в которой, наконец-то, в этом году затеяли ремонт. Поднимаюсь на третий этаж и пытаюсь вставить в замочную скважину ключ.

А он... не вставляется.

— Что за чёрт... — шепчу я с отчаянием.

Ключ просто не входит в отверстие, будто ему что-то мешает, будто я в левый замок пытаюсь его всунуть.

Наклоняюсь, приглядываясь.

Всё так и есть...

Замок новый!

В голове крутятся сплошные нецензурные слова.

Хозяйкой этой квартиры была старая бабулечка, хорошая женщина, я четыре года тут живу, но, к сожалению, полгода назад её не стало, и в наследство вступила её троюродная тётка, с которой они даже не общались толком.

У этой мадам на квартиру были свои планы. Она тут же подняла арендную плату чуть ли не вдвое и сказала, что я должна делать ремонт за свой счёт, потому что за четыре года квартира «убилась».

Мои слова, что ремонта в ней по факту не было лет сорок, и что я в таком виде и заехала, она пропустила мимо ушей.

И вот...

Вся на нервах я звоню новой хозяйке.

Сброс.

Перезваниваю.

Опять сброс.

А дальше приходит сообщение:

«Мила, сдала квартиру другим людям, вы не платили две недели, замки сменила. Вещи ваши в маленьком коридоре у мусоропровода».

— Вот гадина! — в сердцах восклицаю.

Я мечусь по лестничной клетке, как раненный зверь. Хватаюсь за голову, пытаюсь совладать с дыханием, которое сбилось к чертям собачьим.

У меня приступ паники...

«Мне надо в квартиру. Мне надо забрать вещи», — пишу я ей, думая о пятидесяти тысячах налом, заныканных на антресолях.

Мне бы этого хватило, чтобы продержаться до разблокировки карт.

И для поиска новой квартиры.

Потом что значит не платила две недели? Она же согласилась подождать, поднимая цену вдвое. Сама сказала, что понимает, что мне сходу за месяц не оплатить.

«Все ваши вещи у мусорки. Всего доброго. Не звоните больше. Иначе я буду вынуждена привлечь полицию».

Я сползаю по стене на корточках прямо на лестничной клетке.

В кармане дырка от бублика. В телефоне заблокированная карта. Впереди, видимо, ночь на улице.

Я звоню подружке Ане, но она сбрасывает, потом пишет, что улетела в Турцию на две недели.

Точно... я и забыла совсем...

Потом пишу второй подружке, мы с ней вместе в Герцена на дошкольном учились. Но Вера начинает щебетать в трубку, что сегодня ждёт Димку в гости и готовит романтический ужин.

На душе неприятно царапает, я понимаю, что не могу ей испортить своим появлением личную жизнь, поэтому поугукав в трубку, завершаю звонок.

Всё...

Подружки мои закончились.

Если б была хотя бы тысяча, перекантовалась бы в хостеле, но нет у меня наличности.

Вообще нет.

Я встаю, иду к заваренному мусоропроводу. В этом закутке вечно свален хлам. То шины чьи-то, то санки, то старое кресло, рядом с которым стоит банка для хабариков.

Вот где-то среди этого «антиквариата» притаился мой радужный чемодан с вещами.

Спасибо, что никто украсть не успел, — думаю я с оптимизмом.

А потом пихаю руки в карманы толстовки и пальцы нащупывают твёрдый картон.

Я достаю прямоугольную визитку, где серебряными буквами по чёрному матовому фону выведено: *Мирон Иванович Крестовский*.

И номер телефона чуть ниже...

Глава 3

Мила

Чем пахнет на лестнице в старых домах? Кошками и сыростью с подвала. Вот я сижу в окружении дурманящих ароматов на холодном полу, прижимая колени к груди, и смотрю в одну точку.

Потом делаю вдох и, решившись, набираю господина Крестовского.

Гудок. Второй. Третий. Четвёртый.

— Слушаю, — раздаётся в трубке. Голос низкий, спокойный, строгий даже какой-то.

— Мирон Иванович? — мой голос звучит жалко, даже для меня самой. — Это Мила. Аниматор из ресторана. Мы сегодня... с Платоном... — я замолкаю на полуслове.

Но, кажется, этого достаточно.

Пауза. Я слышу его дыхание.

— А, та самая девушка, которая не берёт визитки и которой не нужна работа, — в его голосе проскальзывают насмешливые нотки. — Слушаю внимательно.

Я зажмуриваюсь. Ну почему он не может быть просто грубым? Было бы легче. К чему этот стёб?

— Я... в общем, я передумала. Ну... насчёт вашего предложения передумала.

Тишина. Потом он хмыкает.

— Быстро, — говорит он. — Я думал, вы продержитесь хотя бы до завтра. Что-то случилось? Работодатель не оценил ваш талант по достоинству?

Он будто специально катается по моей самоуверенности туда-сюда, как каток по асфальту.

А откуда он про работодателя знает? Или это так? К слову пришлось?

— Ну... я решила рассмотреть ваше предложение, — выпаливаю я. — Оно очень... интересное... я так решила.

Звучит, как бред малолетки, но что ему говорить? Правду?

Карту заблокировали. Из квартиры выселили. Я сижу на лестнице в подъезде и мне некуда идти?

Ну нет... так точно нельзя! Я не пытаюсь казаться сильной или гордой, вежливость в данном случае — лучшая стратегия.

Он молчит несколько секунд. Потом говорит:

— Адрес пришлю сообщением, жду вас завтра.

Я втягиваю голову в плечи, прежде чем неуверенно пробормотать.

— А сегодня можно?

Я даже зажмуриваюсь, будто сейчас мне на голову прилетит дубинка или наковальня, но нет...

Прилетает всего лишь пауза.

И чуть насмешливое следом:

— Настолько всё плохо?

— Да... то есть нет... то есть... — замолкаю униженно.

— Короче, адрес скину, приезжайте, как соберётесь, — бросает он и отключается.

А я выдыхаю...

Осталось лишь решить небольшую проблемку с дорогой. Как мне добраться до дома господина Крестовского, учитывая, что он живёт за городом, а у меня ни копейки наличности в кармане.

Скрипя зубами и сердцем, набираю Веру...

Ну а что? Других вариантов нет.

Прости, дорогая, придётся чуть-чуть подпортить твой романтический вечер с Димой.
Совсем капельку.

Старая дребезжащая маршрутка катит по шоссе. Я сижу у окна, придерживая чемодан одной рукой, и смотрю, как город сменяется спальными районами, потом промзонами, потом лесом. Людей в автобусе битком: пенсионеры с сумками, небось, на огороды свои катят, молодая пара с тремя орущими детьми, несколько мужиков в спецовках и прочий разношёрстный, но простой люд.

Я нервничаю, меня ещё не отпускает.

Я то и дело думаю о несправедливости жизни, но...

Ничего... скоро я буду на месте, в доме Крестовского и выдохну. И приду в себя.

И снова обрету равновесие.

Прежде чем поехать сюда, пришлось пешком идти до Веры.

Подружка живёт в соседнем районе, топала я где-то минут сорок, нет... больше. Я же ещё чемодан за собой тащила.

И притопала я в самый разгар их свидания с Димой. Зато не зря. Верка сунула мне немного денег наличкой, и я, пообещав всё до копейки вернуть, как только сниму блокировку со счетов, оставила их наедине наслаждаться друг другом.

А сама нырнула в метро, доехала до конечной станции, а там уже прыгнула в маршрутку.

И вот трясусь по шоссе.

— Сосновый Бор-2! — кричит водитель.

Я дёргаюсь, хватаю чемодан и пробираюсь к выходу.

Тормоза старой маршрутки недовольно скрипят, двери нехотя открываются, а я вываливаюсь на обочину.

Автобус уезжает, оставляя меня одну на пустой трассе. С одной стороны — лес, с другой — поле. Никакого посёлка не видно.

— Прекрасно, — говорю я вслух.

Достаю телефон, смотрю карту.

Так... так... так...

До посёлка — три километра пешком, поворот на него впереди. Я вскидываю голову, прикладываю ладонь ко лбу козырьком, приглядываюсь и, точно, вдалеке вижу указатель со стрелкой.

Три километра с чемоданом, у которого отваливается колесо?

— Господин Крестовский, могли бы и машину за мной прислать. Не развалились бы... — ворчу я, выдвигая ручку чемодана и катя его за собой.

Дорога тянется бесконечно. Чемодан прыгает по дороге, колесо скрежещет, и через полкилометра оно окончательно отваливается.

— Да что ж такое! — я в сердцах пинаю чемодан.

Приходится тащить его волоком. Рука немеет, по спине течёт пот, в голове одна мысль — дойти. Просто дойти хоть как-нибудь, хоть когда-нибудь...

Километр то прошла? Судя по вынырывающему из-за поворота столбику, да. Второй пошёл... Я считаю шаги, чтобы не думать об усталости. Потом перестаю считать, потому что то и дело сбиваюсь.

Когда до посёлка, судя по карте, остаётся метров семьсот, силы заканчиваются окончательно. Я останавливаюсь посреди дороги, тяжело дыша, и смотрю на высокие кирпичные заборы вдалеке.

Красиво, богато, недостижимо...

— Ненавижу, — выдыхаю я, обращаясь к соснам по обеим краям дороги.

И в этот момент сзади раздаётся шум мотора.

Я оборачиваюсь.

Чёрный автомобиль, седан бизнес-класса, большой, блестящий, с тонированными стёклами, тормозит прямо рядом со мной.

Стекло опускается.

Глава 4

Мила

С заднего пассажирского сиденья на меня смотрит Мирон Иванович Крестовский.

Вблизи он ещё более грозный, чем при первой встрече. Широкие плечи, тёмные глаза, на губах играет едва заметная усмешка.

— Вас подбросить? — говорит он, окидывая взглядом меня и мой яркий убитый чемодан на одном колёсике.

Я сглатываю улыбку, вернее, она сама тает на моих губах.

Нет... он ещё и издевается?

Капитан Очевидность, — хочется сказать мне, но я сдерживаюсь.

Правда то ли ирония, то ли язвительность всё равно прорываются наружу резким:

— Да уж будьте так любезны, — пытаюсь выровнять дыхание.

— Буду, — он открывает дверь со своей стороны. — Садитесь.

Кивком указывая, чтобы я залезала и устраивалась рядом с ним.

Я стою, нервно теребя ручку чемодана.

— А это?..

— А это заберёт водитель. Садитесь, Мила, — повторяет он уже без усмешки. — Доедем с ветерком.

— Да, ветерок бы не помешал, — смахиваю пот со лба. — И душ, — зачем-то добавляю следом.

— Это тоже можно устроить, — более низким голосом обещает господин Крестовский, и я слегка напрягаюсь.

С воспитателями так разговаривают?

Нет... ну он подшучивает, наверное... Подшучивать же можно?

А то, что мне там мерещится за этим подшучиванием, как говорится, уже мои психологические трудности.

Вообще я живу свою обычную нудную жизнь с небольшими радостями вполне себе спокойно, и вот такие всплески проблем, которые на меня свалились сегодня за такой короткий промежуток времени, совсем для меня нетипичны.

А тут... тут я будто из одной реальности в другую попала по мановению волшебной палочки.

Только фея мне какая-то странная досталась.

И жестокая.

Можно же было как-то всё более комфортно организовать, а не вот это вот всё?

Водитель уже выходит из машины, подхватывает мой чемодан и закидывает в багажник.

А я ныряю в открытую дверь чёрного авто, за которой меня ждёт мой новый работодатель.

Это я ещё счастливица. В один день потерять работу и тут же найти её.

Да, верно, счастливица.

Надо мыслить позитивно.

— Спасибо, — бормочу я и сажусь на мягкое кожаное сиденье приятное на ощупь, которое невольно глажу рукой.

И понимаю, что, кажется, никогда в жизни не сидела в таких машинах.

Здесь чисто, просторно и тихо. Мотор работает едва слышно, за рулём опытный молчаливый водитель.

Кондиционер холодит покрасневшее лицо.

Господин Крестовский сидит рядом, положив руку на подлокотник, и смотрит в окно. Профиль у него какой-то хищный, что невольно оторопь берёт.

С таким мужчиной шутки плохи.

Я же молчу и пытаюсь отдышаться после этой дурацкой прогулки с чемоданом. Ноги гудят, спина мокрая, и я, наверное, выгляжу как пугало.

И мои попытки пригладить растрепавшиеся рыжие кудри, наверняка, выглядят, жалко.

— Сказали бы, что вам машина нужна, я бы прислал, — говорит он вдруг, не поворачивая головы.

— Могли бы и догадаться, — выскакивает у меня.

— Увы, я не ясновидящий и не экстрасенс, и... — он усмехается уголком рта, — не провинциальная гадалка.

Я пожимаю плечами.

— Звучите так, будто сожалеете, что не обладаете паранормальными способностями.

— Ну, в бизнесе бы они здорово пригодились.

А он издаёт короткий смешок, но уже без всякого веселья.

— Мила, давайте сразу проясним одну вещь. Я предлагаю вам работу и жильё не из благотворительности. Мне нужен человек, который найдёт общий язык с моим сыном. Если вы справитесь, получите даже больше, чем я вам предлагаю. Так что перестаньте быть удобной, не ждите, что я буду что-то там домысливать и догадывать. Говорите прямо, когда хотите сказать. Мне не нужен удобный воспитатель для сына, мне нужен эффективный!

— Принято, — киваю я.

А сама сию такую раздражённая на эту его отповедь, что, потирая мысленно ладошки, решаю, что вот, господин Крестовский, в следующий раз буду звонить по любому поводу, вы сами вззоете.

— Платон не идёт на контакт с незнакомыми. Вообще никак, поэтому мне понравилось, что с вами он разыгрался. После смерти матери он замкнулся. Чем больше времени проходит, тем хуже он её помнит. А ещё мы сменили шесть нянь за два года.

— Шесть? — я даже присвистываю. — И что, все такие плохие?

— Все хорошие, — поправляет он. — Профессионалы с рекомендациями, образованием, опытом. Две с педагогическим, одна с психологическим, даже одна француженка была, чтобы язык учил. Ни одна не продержалась больше трёх месяцев.

— Почему?

— Он их выживает, — Крестовский говорит это спокойно, как о погоде. — Игнорирует, молчит, прячется. Они стараются, лезут из кожи вон, а он просто не реагирует. Потом они сдаются и уходят. Иногда раньше, чем я успеваю их уволить.

Мне вот совсем не хочется, чтобы Крестовский и меня уволил.

Хотя любая работа имеет своё начало и свой конец.

И эта тоже...

Машина плавно поворачивает, за окном мелькают высокие заборы, ухоженные деревья. Тут не очень кучно. Ещё бы: это вам не садоводство какое-то, а элитный коттеджный посёлок для толстосумов по типу Крестовского.

— А вы надеетесь, что я продержусь дольше? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Я надеюсь, что вы продержитесь хотя бы неделю, — усмехается он. — Чтобы я успел найти следующую вам на замену.

И мне вот не понятно, он сейчас шутит или серьёзно?

— Обнадёживаете... — тяну с придыханием.

— Я реалист, — он одёргивает рукава пиджака. — Детей не обманешь. Они чувствуют фальшь за километр. Платон почувствует в вас фальшь или вы начнёте перед ним заискивать, и вы уйдёте, как все. Но если вы такая же, как в детской комнате... простая, дурашливая, без попыток его воспитывать с порога или пальчиком грозить за непослушание... может, и работает.

— Я не простая, — возражаю я. — Я сложная, если честно. Но с детьми лажу.
Крестовский смотрит на меня, и в уголках его губ прячется усмешка.
— Посмотрим.

Глава 5

Мила

Машина останавливается у высоких кованых ворот. Водитель нажимает кнопку, ворота бесшумно открываются. Мы въезжаем на территорию, и у с трудом сглатываю, потому что горло резко сжало спазмом.

Не хочу нервничать, но нервничаю.

И процесс этот уже необратим.

Передо мной не дом даже, а настоящий дворец.

Трёхэтажный, облицованный светлым камнем, с огромными окнами. Вокруг него идеальные газоны, кусты, подстриженные в форме шаров, дорожки, выложенные плиткой.

Я всё-таки сглатываю, проталкивая нервный комок глубже.

— Ничего себе, — вырывается у меня.

— Что? — Крестовский смотрит на меня.

— Я думала, у вас просто дом. А у вас тут... ну, это.

— Это просто дом, — в его голосе слышна усталость. — Слишком большой для двоих. Один из, на самом деле.

Вот так... кого-то из единственного съёмного жилья выпирают, а у кого не дом, а один из...

Жизнь такая разная... когда суммы на счету разные.

А когда счета заблокированы, жизни нет.

Впрочем, не буду я о грустном.

Главное, не забыть сказать господину Крестовскому, чтобы налом мою работу оплачивал, иначе я рискую никаких денег не увидеть.

Машина останавливается недалеко от входа. Водитель открывает дверь нам двери, я выбираюсь наружу и чуть не падаю. Ножки почему-то дрожат.

Хотя, чему я удивляюсь? Устала тащиться по дороге и тащить за собой сломанный чемодан.

Да и вообще уже почти девять вечера, и я на стрессе.

Столько разных событий за один день.

За один!

— Идёмте, — манит лёгким непринуждённым жестом хозяин дома.

И я плетусь за его высокой фигурой ко входу. Водитель на мой порыв схватить чемодан, сказал, что сам принесёт его чуть позже.

Внутри дом ещё больше впечатляет: высокие потолки, мраморный пол, огромная люстра в холле, лестница, уходящая наверх. Дорого, богато, но... пусто. Как в музее. Сразу чувствуется отсутствие женской руки.

— Платон! — зовёт Крестовский, снимая пальто.

Сверху раздаётся топот маленьких ног. По лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, сбегает Платон. На нём мягкая домашняя пижама с пятнами от еды.

— Папа! — кричит он и бросается к отцу.

Крестовский наклоняется, подхватывает сына на руки, и на его лице впервые появляется тёплая ласковая улыбка.

Не ухмылка, а именно улыбка...

Разительный контраст.

Он прижимает мальчика к себе, закрывает глаза на секунду и как будто бы выдыхает от облегчения.

— Привет, мелкий, — говорит он тихо. — Опять ел в кровати? Договаривались же так не делать.

— Ну, пап... так вкуснее, — громким шёпотом возражает он.

Платон обнимает отца за шею, утыкается носом в плечо. А потом поднимает голову и видит меня, выходящую вперёд.

Я улыбаюсь мягко и располагающе.

— Привет, Платон! Помнишь меня? Я Мила. Мы с тобой замок строили. Со стражником Губкой Бобом...

Платон смотрит на меня. Его глаза расширяются. Я жду, что он обрадуется, прыгнет с рук отца и подбежит ко мне. Ну или хотя бы помашет ладошкой и скажет «привет».

Но Платон замирает и настороженно смотрит на меня. Видимо, считая, что я какой-то враг, вторгшийся на их личную территорию.

А потом резко отворачивается, вжимается в отца и зарывается лицом ему в шею.

— Нет, — слышу я приглушённый голос. — Не хочу.

— Платон, — начинает Крестовский.

— Не хочу! — голос мальчика становится громче и капельку истеричнее.

Платон спрыгивает с рук отца и бегом бросается обратно вверх по лестнице. Топот маленьких ног затихает где-то на втором этаже, хлопает дверь.

Я стою в холле слегка растерянная и чувствую, как внутри всё обваливается.

— Вот, — говорит Крестовский спокойно. Он смотрит на меня, и в его взгляде нет удивления, только бесконечная усталость. — Видимо, и в вашем, Мила, случае просто не будет.

Я молчу, думая, как же лучше поступить, и почему Платон так на меня отреагировал. Возможно, потому что отец не посоветовался с ним.

— Вам стоило поговорить с ним до моего появления. Сказать, что я приеду. Это от неожиданности. Вероятно, думает, я вклиниваюсь на его территорию.

— Иногда я не знаю, о чём он думает, но разбираться с этим вам.

— Хорошо, я разберусь.

— Мне в целом нравится ваш настрой, — продолжает он. — Но если хотите передумать и отказаться от работы, можете сделать это прямо здесь. Я не обижусь. Даже оплачу дорогу обратно и потраченное на нас время.

Я сдуваю рыжую чёлку со лба, кладу ладони на бёдра и смотрю на господина Крестовского задумчивым взглядом.

Он стоит передо мной, весь такой из себя высокий, уверенный, богатый. Шесть нянь с Платоном не справились. А я кто? Недоучка из педагогического, без опыта, без рекомендаций, оказалась тут благодаря короткому успешному общению с Платоном в игровой.

Не факт, что так будет всегда.

Но я... я постараюсь.

Да и нет у меня выбора. Куда я сейчас пойду?

Обратно к Верке?

Она меня прибьёт...

— Нет, — говорю я. — Я не откажусь.

Он поднимает бровь.

— Нет?

— Я не передумаю, — мотаю головой. — Он просто испугался. Или не ожидал меня увидеть. Или... не знаю. Но с утра мы играли и смеялись вместе, а значит снова будем играть и смеяться.

Крестовский смотрит на меня долго, изучающе.

— Вы упрямая, — говорит он наконец.

— Упорная, — поправляю я, чем вызываю улыбку у хозяина дома.

— Хорошо, — он разворачивается и идёт к лестнице. — Тогда располагайтесь, Мила. Вам покажут комнату на втором этаже рядом с детской. Завтра приступите к своим прямым обязанностям, а сегодня отдыхайте.

— Завтра? — переспрашиваю я. — Но я могу прямо сейчас подняться к нему, попробовать...

— Нет, — перебивает он. — Не сегодня. Платону нужно время привыкнуть к мысли, что вы теперь будете его воспитателем. Будьте с ним построже, иначе он вам на шею сядет и поедет. И будет такие перлы откалывать, что вы убежите, сверкая пятками, быстрее скорости света, — заявляет он. — Подождите минуту, я позову экономку, она вам покажет комнату.

Крестовский удаляется из холла, а я мотаю головой, думая, что его сыну нужен кто угодно, но не строгий воспитатель в прямом смысле этого слова.

И позже, когда оказываюсь в отведённой для меня комнате, я, наплевав на все предупреждения, иду к ребёнку.

Потому что чувствую, здесь нельзя упустить момент, иначе... иначе всё станет ещё труднее для нас двоих.

Или... троих.

Глава 6

Мила

Я стучусь тихо-тихо, почти невесомо.

— Платон? — шепчу я.

Тишина.

Толкаю дверь.

Комната оказывается... обычной детской, в которой полно хлама и игрушек, валяющихся на полу и на мебели.

Рисунки, книги, мозаика, конструктор, на деталь от которого я наступаю и стискиваю зубы, чтобы не заорать от острой боли.

Твою мать... больно-то как!

Платон сидит на кровати, обхватив колени руками. Взгляд такой же, как в детской комнате в «Князе». Только теперь он не смотрит в одну точку — он смотрит на меня. Даже как-то немного враждебно и настороженно.

Я другого всё-таки приёма ждала.

— Можно? — я делаю ещё один шаг. — Можно зайду?

— Нет, — отрезает хмурый парень.

Но я всё равно вхожу. Сажусь на пол у его кровати, чтобы не нависать сверху, а быть на одном уровне.

— Папа же сказал тебе, что сегодня надо отдыхать, — говорит Платон строго.

И без слов понятно, от кого он это нахватался, чья школа.

Ну ничего... с этим я способна справиться.

— А я не послушалась, — пожимаю плечами. — Представляешь? Бывает так, что и взрослые не слушаются других взрослых. И иногда получают за это «а-та-та».

Он смотрит на меня с подозрением.

— Папа даст вам «а-та-та»?

— Не знаю... может быть.

— И вам не страшно?

Я вспоминаю грозного Крестовского и пожимаю плечами.

— Ну... немного страшно.

Платон внезапно улыбается.

— Не волнуйтесь. Папа на вид такой злой, а так он добрый. Он никого не бьёт.

— Это... радует... — бормочу я, оглядывая комнату.

Что ж... кажется первый рубеж пройдёт: первичный контакт установлен.

На тумбочке у кровати — книга с яркой обложкой. «Жёлтый туман». Классика практически, но... не рановато ли для Платона?

— О, — говорю я. — Я эту книгу в детстве обожала. А ты любишь, когда тебе читают?

Он кивает.

— Я могу почитать, если хочешь.

Платон дёргает плечом.

— Можно.

Я беру книгу в руки. Листаю, делая вид, что читаю.

— Так, значит, тут доктор поехал лечить маленький народец... — я начинаю болтать какую-то фантазийную ерунду от балды, как говорится, и нужный эффект снова достигнут.

— Вы не читаете, — перебивает Платон.

Я поднимаю глаза. Он смотрит на меня исподлобья.

— Я знаю эту книгу, — говорит он. — Там про другое. Вы сочиняете что-то своё.

Пауза. Я закрываю книгу и честно киваю.

— Да. Сочиняю.

— Зачем?

— Потому что люблю сочинять, — я пожимаю плечами. — Люблю всякие истории сочинять. Можно придумать всё, что захочешь. Можно продолжение сочинить, а можно совсем другую книгу.

Платон молчит, но я вижу, что в его глазах зажигается интерес.

— А ты любишь сочинять? — спрашиваю я.

Он отводит взгляд.

— Не знаю.

— А что любишь? Чем ты любишь заниматься?

Тишина. Долгая. Я уже думаю, что он опять захлопнется, уйдёт в себя, как улитка в раковину скроется, но потом он медленно слезает с кровати и идёт к столу, чтобы открыть ящик и, чуть порывшись в его недрах, выудить на свет божий альбом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.